

На правах рукописи

ЮРЬЕВА ЮЛИЯ БОРИСОВНА

**ФОРМАЛЬНОСТЬ/НЕФОРМАЛЬНОСТЬ КАК ЧЕРТА
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СТИЛЯ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность: 10.02.20 –
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной
степени кандидата филологических наук

Москва – 2020

Работа выполнена на кафедре иностранных языков филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: доктор филологических наук (10.02.20), профессор **Ларина Татьяна Викторовна**, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук (10.02.19), профессор **Мамонтов Александр Степанович**, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

доктор филологических наук (10.02.19), профессор **Ощепкова Виктория Владимировна**, заведующий кафедрой английской филологии ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

доктор филологических наук (10.02.20), профессор **Прошина Зоя Григорьевна**, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится 10 апреля 2020 г. в 11:00 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0500.001 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 2 А, ауд. 728.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-информационном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах:

<http://vak2.ed.gov.ru> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета ПДС 0500.001
кандидат филологических наук, доцент

С.Г. Коровина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация представляет собой междисциплинарное сопоставительное исследование формальности/неформальности как отличительной черты этнокультурного стиля коммуникации, выполненное на материале английского и русского языков.

В настоящее время тезис о том, что коммуникация и культура взаимосвязаны и оказывают взаимное влияние друг на друга доказан многочисленными исследованиями (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. Гладкова, Т.В. Ларина, О.А. Леонтович, И.А. Стернин, С.Г. Тер-Минасова, Н.М. Фирсова, D. Carbaugh, F. Jandt, I. Kecskes, G. Leech, G. Senft, M. Sifianou, H. Triandis, R. Watts и многие др.) и является общепризнанным. Культура предоставляет членам своего общества имплицитное знание того, как строить и вести процесс коммуникации и как интерпретировать поведение представителей других культур в различных ситуациях общения.

Мы исходим из того, что, несмотря на индивидуальные особенности коммуникантов и их предпочтения при общении, существуют некоторые общие социокультурные ценности и правила, которым следует большинство представителей отдельно взятого социума и которые формируют определенные доминантные черты коммуникации, позволяющие отличать одну коммуникативную культуру от другой. Совокупность доминантных черт коммуникации формирует *этнокультурный стиль коммуникации*¹.

Стиль коммуникации определяется социокультурными факторами и напрямую зависит от типа культуры общества. Исходя из этого, он рассматривается «в перспективе культурной обусловленности как неотъемлемый элемент межкультурного взаимодействия»². Выделение характерных черт этнокультурного стиля коммуникации возможно только при сопоставительном анализе особенностей коммуникативного поведения представителей различных коммуникативных культур.

В сопоставительных исследованиях в качестве одного из языков сопоставления чаще всего выступает английский язык, который, будучи языком международного общения, является одним из наиболее распространенных. Однако английский язык существует во множестве вариантов, в каждом из которых отражена культура их пользователей. Данное исследование посвящено изучению степени формальности/неформальности как одной из отличительных черт этнокультурного стиля коммуникации в англосаксонской коммуникативной культуре, которую мы рассматриваем на материале четырех вариантов английского языка – британского (BrE), американского (AmE), канадского (CanE) и австралийского (AusE), и в обобщенном виде сопоставляем с русской коммуникативной культурой.

Для успешной коммуникации необходимо соблюдение ситуативно релевантного баланса между формальностью и неформальностью, так как

¹ Ларина Т.В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2007, том 66, №3. – С. 3-17. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009.

² Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л.В. Куликова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Монография – Красноярск, 2006. – С. 83.

чрезмерная формальность, как и излишняя неформальность (фамильярность) могут осложнить процесс коммуникации и привести к коммуникативным неудачам. Данная задача осложняется тем, что степень формальности/неформальности различается в разных культурах. Знание степени необходимой формальности и допустимой неформальности в различных коммуникативных культурах в определенных контекстах, а также языковых средств их выражения необходимо для повышения уровня межкультурной коммуникативной компетенции.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена: 1) потребностью повышения гармонизации межличностной коммуникации, в том числе межкультурной; 2) необходимостью систематизации этнокультурных особенностей коммуникации в виде этнокультурных стилей коммуникации (коммуникативных этностилей) и описания их доминантных черт; 3) недостаточной изученностью формальности/неформальности как отличительной черты стиля коммуникации в сопоставительном аспекте; 5) недостаточной изученностью стилистических особенностей вариантов одного и того же языка; 6) необходимостью исследования социокультурных факторов, влияющих на выбор стилистического регистра и средств выражения формальности/неформальности как в разных языках, так и в вариантах одного и того же языка.

Исследовательская **гипотеза** состоит в следующем: формальность/неформальность зависит не только от ситуативного, но и от социокультурного контекста, который включает социальные факторы и культурные ценности; различия в степени формальности/неформальности проявляются при сопоставлении как отдельных языков, так и вариантов одного и того же языка.

Цель исследования – сопоставить степень формальности/неформальности как отличительной черты этнокультурного стиля коммуникации в англосаксонской, представленной четырьмя вариантами, и русской коммуникативных культурах и интерпретировать выявленные особенности с позиций социокультурного контекста.

В соответствии с предметом, поставленной целью и гипотезой исследования были сформулированы следующие **задачи**:

- рассмотреть влияние социокультурных отношений и ценностей на язык и его национальные варианты, а также на доминантные черты этнокультурных стилей коммуникации, прежде всего – формальность/неформальность;
- выявить языковые средства и коммуникативные стратегии выражения формальности/неформальности и связать их с социокультурными факторами;
- выявить и сопоставить языковые средства и стратегии выражения формальности/неформальности в четырех вариантах английского языка (AmE, BrE, CanE, AusE) и определить степень формальности/неформальности представителей рассматриваемых англосаксонских коммуникативных культур в однотипных ситуациях общения;
- обобщить языковые средства и коммуникативные стратегии, используемые для выражения формальности/неформальности в четырех англосаксонских коммуникативных культурах, и сопоставить их со средствами и механизмами выражения формальности/неформальности в русской коммуникативной культуре;

- сопоставить степень формальности/неформальности в англосаксонской и русской коммуникативных культурах;
- объяснить выявленные различия в стилистическом регистре в рассматриваемых коммуникативных культурах с позиции социокультурных различий;
- определить функционально-прагматическую роль формальности/неформальности в коммуникации.

Объектом исследования является коммуникативное поведение представителей англосаксонской и русской коммуникативных культур в отдельных ситуациях общения.

Предметом – степень формальности/неформальности, а также стратегии и языковые средства ее выражения в однотипных ситуациях.

Материалом исследования послужили дискурсивные практики представителей англосаксонской и русской коммуникативных культур в ситуациях: обращение с просьбой к знакомому адресату и обращение с просьбой к незнакомому адресату с учетом возрастных, гендерных и статусных различий. Всего было рассмотрено 10 ситуаций. Материал был получен путем социолингвистического анкетирования, в котором приняли участие 300 респондентов (50 носителей BrE, 50 – AmE, 50 – CanE, 50 – AusE и 100 носителей русского языка), а также лингвокультурологические наблюдения, интернет-ресурсы, данные словарей (BrE, AmE, CanE, AusE) и справочников по речевому этикету.

Для проверки и доказательства выдвинутой гипотезы и решения поставленных задач был использован комплекс научно-исследовательских **методов**, соответствующих цели, объекту и предмету исследования и включающих: сравнительно-сопоставительный анализ, дискурс-анализ, социолингвистический и прагматический анализ, описательный метод (наблюдение, интерпретация, обобщение), метод социолингвистического анкетирования, статистический метод. Для уточнения результатов исследования использовался метод интервью.

Теоретической базой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области:

- *культурологии и теории культурных различий* (Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А.Я. Флиер, М. Guirdham, E. Hall, G.H. Hofstede, С. Kluckhohn, A.L. Kroeber, H. Triandis, E. Tylor и др.);
- *лингвокультурологии* (Л.И. Богданова, А. Вежбицкая; А. Гладкова, В.В. Дементьев, С.В. Иванова, А.С. Мамонтов, В.В. Ощепкова, З.З. Чанышева и др.);
- *социолингвистики* (В.И. Беликов, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, J. Fishman, D. Hymes, W. Labov и др.);
- *контактной вариантологии и плюрицентризма* (Т.А. Иванкова, Е.Н. Малюга, В.В. Ощепкова, З.Г. Прошина, Д. Шайбакова, К. Bolton, M. Clyne, H. Kloss, R. Muhr и др.);
- *англо-американского и русского коммуникативного поведения и межкультурной коммуникации* (А.А. Горностаева, Д.Б. Гудков, В.В. Дементьев, Т.В. Ларина, О.А. Леонтович, А.В. Павловская, Ю.Е. Прохоров,

И.А. Стернин, С.Г. Тер-Минасова, К. Fox, Y. Richmond, M. Sifianou, L. Visson, A. Wierzbicka и др.);

- *лингвопрагматики* (В.В. Дементьев, В.И. Карасик, L. Alba-Juez, Н.Р. Grice, I. Kecskes, G. Leech, A. Wierzbicka и др.);
- *теории вежливости* (Е.А. Земская, Т.В. Ларина, И.А. Стернин, Н.И. Формановская, М.Л. Харлова, L. Alba-Juez, P. Brown, D. Kadar, R. Lakoff, G. Leech, S. Levinson, M. Locher, S. Mills, R. Watts и др.);
- *стилистики* (И.В. Арнольд, М.Н. Кожина, О.А. Крылова, Ю.А. Левицкий), в том числе *коммуникативной этностилистики* (Т.В. Ларина, M. Clyne, W. Gudykunst, J. House, S. Ting-Toomey и др.);
- *теории обращений* (В.Е. Гольдин, Н.М. Фирсова, О.С. Чеснокова, F. Braun, M. Clyne, C. Norrby, S.O. Oyetade, J. Warren и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые формальность/неформальность рассматривается в рамках этностилистики как отличительная черта этнокультурного стиля коммуникации в качестве самостоятельного объекта исследования. Впервые в рамках одного исследования по степени формальности/неформальности рассматриваются четыре варианта английского языка (AmE, BrE, CanE, AusE), выделяются их сходства и различия, которые в обобщенном виде сопоставляются с русским языком. Доказано, что стилистический регистр в коммуникации зависит как от ситуативного, так и от социокультурного контекста, и в однотипных ситуациях общения варьируется не только в различных языках, но и в вариантах одного и того же языка. Выявлена и обоснована необходимость рассмотрения формальности/неформальности с учетом горизонтальной и вертикальной дистанции и показано, что в кросс-культурном контексте между формальностью по вертикали и формальностью по горизонтали нет однозначной корреляции.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно продолжает изучение вопроса этнокультурной специфики коммуникации на основе стилистического, прагматического, дискурсивного и социолингвистического подходов. Уточнены особенности коммуникативного поведения носителей четырех вариантов английского языка, определена степень их формальности/неформальности в однотипных ситуациях общения, в том числе в сопоставлении с русским. Выделены средства выражения формальности/неформальности в рассматриваемых коммуникативных культурах; определена их функционально-дейктическая роль, предпринята попытка объяснить выявленные различия через особенности культур. В работе продемонстрировано, что формальность/неформальность, являясь одной из отличительных черт этнокультурного стиля коммуникации, выступает в качестве социально-прагматического дейксиса, индексирующего степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом. Полученные результаты и выводы вносят вклад в описание этнокультурных стилей коммуникации и дополняют новыми данными социолингвистику, контактную вариантологию английского языка и сравнительно-сопоставительное языкознание.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты исследования и сделанные выводы могут быть использованы в лекционных курсах, а также при написании пособий по сопоставительному языкознанию, социолингвистике, коммуникативной этностилистике, контактной вариантологии английского языка, теории и практике перевода и межкультурной

коммуникации. Они могут найти применение при создании специальных курсов по американскому, британскому, австралийскому, канадскому и русскому коммуникативному поведению. Также результаты исследования могут использоваться в практике преподавания английского и русского языка как иностранного и в межкультурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Формальность/неформальность носит градуальный характер. Степень формальности/неформальности в коммуникации зависит как от ситуативного, так и от социокультурного контекста, и в однотипных ситуациях общения варьируется не только в различных языках, но и в вариантах одного и того же языка.
2. Формальность/неформальность выражается через разноуровневые языковые средства (формулы обращения, способы выражения коммуникативных намерений, единицы модальности, объем речевого фрагмента и др.) и разнонаправленные коммуникативные стратегии. В межкультурном контексте формальность/неформальность следует рассматривать как на уровне вертикальных отношений, так и на уровне горизонтальных. При этом между формальностью по вертикали и формальностью по горизонтали нет однозначной корреляции.
3. Стиль коммуникации представителей британской, американской, канадской и австралийской коммуникативных культур с точки зрения формальности/неформальности демонстрирует ряд выраженных сходств, что свидетельствует о правомерности выделения англосаксонской лингвокультуры (Anglo English and Anglo culture)³, а, следовательно, и англосаксонской коммуникативной культуры. В то же время между ними обнаруживаются и некоторые различия, которые, наряду с другими языковыми и функциональными особенностями, способствуют формированию вариантов английского языка.
4. Наиболее формальными в рассмотренных контекстах оказываются британский и американский стили коммуникации, наименее формальным – австралийский, в то время как канадский занимает срединное положение.
5. Стили коммуникации представителей англосаксонской и русской коммуникативных культур по степени формальности/неформальности демонстрируют более существенные различия, которые нельзя определить однозначно. Англосаксонский стиль в целом является более формальным, чем русский, на уровне горизонтальных отношений, но менее формальным на уровне вертикальных отношений.
6. Выявленные сходства и различия в степени формальности/неформальности связаны с социокультурными параметрами рассматриваемых коммуникативных культур, в первую очередь – с вертикальной и горизонтальной дистанцией и соответствующими коммуникативными ценностями.
7. Формальность/неформальность является одной из отличительных черт стиля коммуникации и выступает в качестве социально-прагматического дейксиса, индексирующего степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом.

³ Wierzbicka, Anna. 2006. English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press. P. 6-7.

Степень достоверности подтверждается привлечением большого объема современной научно-исследовательской литературы по теме диссертации, всесторонним анализом солидного эмпирического материала, проведенным с применением комплекса научно-исследовательских методов, как качественных, так и количественных.

Апробация работы. Полученные результаты обсуждались на заседаниях кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, а также на 7 конференциях, в том числе двух зарубежных. Среди них: Международная научно-практическая конференция «II Фирсовские чтения. Современная филология и методика преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития». Москва, РУДН, 2016; Международная научно-практическая конференция «Семиотическое пространство языка». Новосибирск, НГТУ, 2017; Международная научно-практическая конференции «III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке. Междисциплинарные парадигмы: взгляд молодых ученых». Москва, РУДН, 2017; Международная научно-практическая конференция «Большое евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты». Москва, МГОУ, 2017; Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации». Москва, РУДН, 2019; 10th International Conference on Education and New Learning Technologies. Palma de Mallorca, Spain, 2018; 6th International Conference on Education and Social Sciences. Dubai, U.A.E., 2019.

По теме диссертации имеется 10 публикаций, в том числе 3 в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, 2 – в изданиях, индексируемых в МБД WoS, и 1 публикация в материалах конференции (на индексации WoS).

Структура и объем диссертационного исследования обусловлены поставленной целью, гипотезой и задачами. Диссертационное исследование включает введение, четыре главы с выводами, заключение и библиографию (255 источников). Общий объем диссертационного исследования составляет 190 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и новизна исследования, определяются его цель, задачи, теоретическая и практическая значимость, называются основные методы, применяемые в ходе работы, эксплицируются положения, выносимые на защиту, представлено описание материала исследования, демонстрируется апробация исследования и дается аннотация основных разделов.

В **первой главе «Культура и коммуникация»** представлена теоретическая основа работы. Раскрывается содержание понятия «культура», анализируются подходы к описанию данного многоаспектного явления, рассматривается связь культуры с коммуникацией, ее роль в нормативном регулировании и организации социума. Показано, что социальная организация общества не только определяет социальные роли членов этого общества и их взаимоотношения с членами социума, но и формирует коммуникативные ценности и нормы поведения.

Рассмотрены различные типологии культур (E. Hall, G.H. Hofstede, F. Kluckhohn, T. Parsons, S. H. Schwartz, E. A. Shils, F.L. Strodbeck, H. Triandis и др.) и параметры их классификации. Особое внимание уделяется тем из них, которые связаны с социальной организацией общества – выделенным Э. Холлом типам дистанции и социальным параметрам Г. Хофстеде – коллективизм/индивидуализм и дистанция власти. Знание данных параметров способствует пониманию особенностей этнокультурной специфики общения. Коллективизм/индивидуализм связан с горизонтальной дистанцией, которая отражает степень социально-психологической близости участников коммуникации. Для индивидуалистических культур характерна бóльшая горизонтальная дистанция, для коллективистских культур – меньшая дистанция. Вертикальная дистанция, которую также называют статусной, отражает степень социального неравенства, связанного с неравноправным распределением власти. Исследователями было доказано, что данные типы дистанции взаимосвязаны. Небольшая дистанция власти характерна для индивидуалистических культур, а более значительная дистанция власти – для коллективистских культур (G. Hofstede, H. Triandis).

Разные индексы дистанции в целом определяют стили коммуникации, формируя особенности вербального и невербального коммуникативного поведения, т.е. они формируют коммуникативную культуру, которая определяется исследователями как «коммуникативное поведение народа (совокупность норм и традиций общения), как компонент его национальной культуры; фрагмент национальной культуры, отвечающий за коммуникативное поведение нации»⁴. Понятию коммуникативной культуры отведен отдельный параграф реферируемого исследования. Показано, что проблемы межкультурной коммуникации возникают не только оттого, что люди говорят на разных языках, но также оттого, что они являются носителями разных коммуникативных культур и, следовательно, в процессе взаимодействия ведут себя по-разному, исходя из своих норм, правил, ценностей и традиций. Успех межкультурного общения зависит, прежде всего, от знания и понимания коммуникативной культуры собеседника. Согласно В.В. Ощепковой, межкультурная коммуникация происходит посредством «многочисленных вариантов английского языка или, так называемых, «английских языков»⁵

В параграфе «Культура как конституирующий фактор формирования вариантов языка» рассматривается вопрос о плюрицентричных языках и роли культуры в формировании их вариантов. Одно из основных свойств плюрицентричного языка – «выражать нормы нескольких вариантов и отражать множество культур»⁶. Плюрицентричными языками ученые считают прежде всего английский, немецкий, испанский и французский. В рамках данного исследования мы рассматриваем английский язык в четырех его вариантах – британском (BrE), американском (AmE), канадском (CanE) и австралийском (AusE).

Вторая глава «Категория вежливости и стиль коммуникации» также является в основном теоретической. В ней мы останавливаемся на

⁴ Стернин И.А., Ларина Т.В. Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж. изд-во «Истоки», 2003. С.8-9.

⁵ Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 28 – 36.

⁶ Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm. Москва: Флинта. Наука, 2017. – С.200.

коммуникативной категории вежливости, которая является одной из основных категорий коммуникативного сознания, так как регулирует коммуникативное поведение, обеспечивает и способствует гармоничному общению. В данной главе рассматриваются основные положения теории вежливости П. Браун и С. Левинсона и предложенные ими разнонаправленные типы вежливости – негативная вежливость (*negative politeness*) и позитивная вежливость (*positive politeness*)⁷. Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при употреблении которых достигаются основные цели вежливого общения.

Отдельно рассматривается вопрос об универсальности и культурной специфичности вежливости. Мы исходим из того, что вежливость является как универсальной категорией, поскольку присутствует в каждой культуре, так и этнокультурной, так как имеет свою этнокультурную специфику. Вежливость представляет собой «систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера»⁸. Категория вежливости выступает регулятором поведения людей и предопределяет выбор единиц вербальной и невербальной коммуникации. В каждой культуре существует свой концепт вежливости. Разное содержание данного концепта находит свое отражение в языке и речи и проявляется в лексико-грамматических, функциональных, прагматических и дискурсивных особенностях.

Сопоставительный анализ коммуникативных действий, совершаемых представителями разных коммуникативных культур в однотипных ситуациях общения, позволяет выявить коммуникативные стратегии, которые используют представители отдельно взятой коммуникативной культуры, а также дает возможность определить основные доминанты этнокультурного стиля коммуникации.

Понятию «стиль» уделяется в работе отдельное внимание. Отмечается, что он является одним из самых многозначных в гуманитарных науках, «содержание и объем данного понятия в науке остаются достаточно расплывчатыми»⁹. Ю.С. Степанов определяет стиль речи как «вид речи, употребляемый людьми в типовой общественной ситуации»¹⁰. Он указывает, что виды речи характеризуются как отбором языковых средств из общенационального языкового достояния (отбор слов, типы предложений), так и скрытыми за этими средствами общими принципами отбора, которые лежат вне языка. Под языковым стилем традиционно понимается «исторически сложившаяся внутренне организованная система языковых форм, их значений и функций, возникающая на основе синтеза двух основных функций литературного и народно-разговорного языка: коммуникативной в ее прагматико-эстетической, изобразительно-выразительной разновидности и отражательно-оценочной»¹¹. В рамках данного исследования для нас наибольший интерес представляет понятие стиля для описания коммуникативного поведения

⁷ Brown P., Levinson S. D. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

⁸ Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 8.

⁹ Шоков Н.Н. Стиль и язык: разграничение понятий. Филологические науки. Вопросы теории и практики. // Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 20-23. ISSN 1997-2911

¹⁰ Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1975. С. 201.

¹¹ Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник – 3-е изд., перераб. и доп. – М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – С. 294.

представителей различных коммуникативных культур. Стилистические различия в речи обусловлены рядом экстралингвистических факторов, среди которых исследователи выделяют: цель, которая ставится говорящим; обстановку, условия, в которых происходит общение, включая отношения между говорящими; индивидуальные особенности говорящих, а также форму речи, вид речи и ее жанр¹². В данном исследовании, помимо ситуативного контекста, в качестве стилеобразующего фактора мы рассматриваем также социокультурный контекст и делаем акцент не на индивидуальные, а на культурно-специфические особенности говорящего, допуская при этом определенный уровень генерализации, неизбежной, на наш взгляд, в сопоставительных исследованиях.

Параграф «Этнокультурный стиль коммуникации» посвящен рассмотрению данного понятия. Вслед за Т.В. Лариной, мы определяем стиль коммуникации как «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закрепленный традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтительности определенных стратегий и средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия»¹³. Для описания этнокультурного стиля коммуникации выделяются различные параметры: социокультурные, аксиологические, социолингвистические, психолингвистические, лингвистические, паравербальные и невербальные.

В параграфе «Формальность/неформальность как черта стиля коммуникации» мы рассматриваем категорию формальность/неформальность, исследование которой отличается недостаточной разработанностью. Согласно Дж. Ирвин, многие исследователи используют термин «формальность», не давая ему определения и даже не задумываясь над ним, полагая, что он и так очень прост для понимания¹⁴. В лингвистике категория формальности рассматривается в разных аспектах: как один из стилеобразующих факторов, в связи с понятием регистра, как один из параметров речевого общения, как совокупность речевых признаков, которая отличает официальную интеракцию от разговорной¹⁵. И.А. Стернин (2003) рассматривает формальность как коммуникативную категорию. Поскольку степень формальности/неформальности определяется не только ситуативным контекстом, но и социокультурным, вслед за Т.В. Лариной, мы рассматриваем формальность как одну из доминантных черт этнокультурного стиля коммуникации, которая выступает в качестве социально-прагматического дейксиса, индексирующего степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом или референтом.

В качестве языковых средств, выражающих формальность/неформальность и выполняющих тем самым *социально-дейктическую роль* (термин М.Л. Макарова¹⁶) мы рассматриваем как качественные, так и количественные характеристики речи, среди которых: формулы обращения, способы выражения коммуникативного намерения (прямой или косвенный), длина высказывания, количество реплик и др. Мы рассматриваем формальность/неформальность как черту стиля коммуникации,

¹² Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Кн.1. – М.: Высшая школа, 2006. – С.9.

¹³ Ларина Т. В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66. № 3. С. 3–17.

¹⁴ Judith T. Irvine Formality and Informality in Communicative Events. American Anthropological association. 1979. – P. 774.

¹⁵ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 211.

¹⁶ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 215.

которая соотносится не только с ситуативным, но и социокультурным контекстом, который влияет на выбор стилистического регистра как в разных языках, так и в вариантах одного и того же языка.

Для описания этнокультурного стиля коммуникации в целом, а также его отдельно взятой черты необходимым условием является сопоставительный анализ, поскольку этнокультурный стиль коммуникации носит дифференциальный характер, а, следовательно, выделить и рассмотреть его черты возможно только при сопоставительном анализе, когда очевидные особенности поведения представителей одной коммуникативной культуры контрастирует с особенностями поведения представителей другой коммуникативной культуры.

В заключительном параграфе второй главы подробно описан материал исследования, а также методология его сбора и анализа. В фокусе нашего внимания были разноуровневые средства выражения формальности/неформальности и используемые стратегии вежливости. Мы обращали внимание на инициальную реплику и ее структурное оформление, формулу обращения (далее – ФО), способ выражения речевого акта (далее – РА) Просьба, модальные глаголы и другие средства смягчения коммуникативного воздействия, а также объем речевого фрагмента (длину реплик и их количество).

В главе 3 «Формальность/неформальность в англосаксонской и русской коммуникативных культурах: обращение с просьбой к незнакомому адресату» описаны результаты сопоставительного анализа коммуникативного поведения представителей англосаксонской (четыре ее варианта – британской, американской, канадской и австралийской) и русской коммуникативных культур.

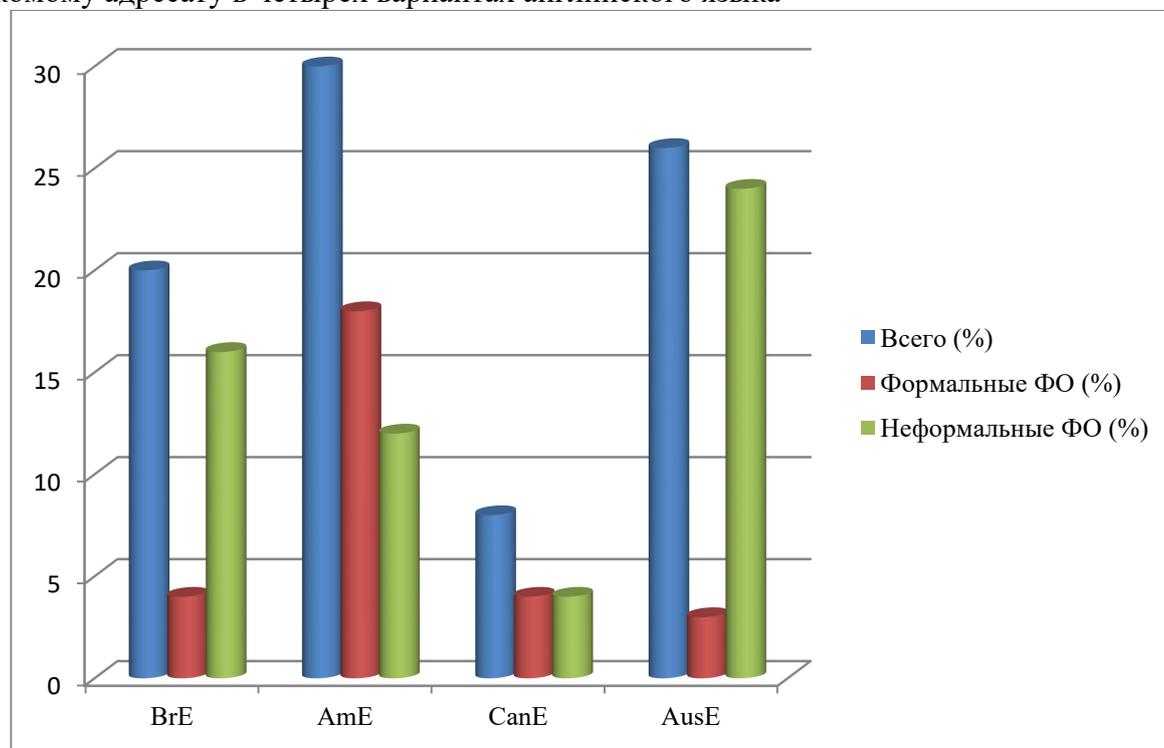
Сопоставительный анализ позволил нам сделать вывод, что степень формальности/неформальности зависит как от ситуативного, так и от социокультурного контекста, и в однотипных ситуациях общения варьируется не только в различных языках, но и в вариантах одного и того же языка.

Полученные данные показали, что, вступая в контакт, носители всех вариантов английского языка предваряют обращение с просьбой формулой приветствия или извинения. Номинативные формулы обращения употреблялись нечасто и с незначительной вариативностью (в рассматриваемых ситуациях их использовали от 8% респондентов до 30%).

Мы обратили внимание на то, что респонденты употребляли ФО, в основном, только в сочетании с формулой извинения (*Excuse me*) или приветствия (*Hello, Good morning, Good afternoon, Hey / Hi / Hiya, Good day / G'day*). Как инициальная речевая формула ФО нигде не употреблялась. Данный факт указывает, на наш взгляд, на то, что, прежде чем обратиться с запросом информации или просьбой, респонденты используют элементы фатической коммуникации, сохраняя таким образом некоторую дистанцию с адресатом. В нашем материале встретились как формальные ФО (*Sir, Mr, Mrs*), так и неформальные (*mate, buddy, pal, love/luv* и др.). На основе анализа частотности употребления формальных и неформальных ФО было выявлено, что самым формальным является AmE, где количество употреблений формальных ФО в рассматриваемом контексте составило 18% из 30%. Они употреблялись только при обращении к адресату старшего возраста, отражая асимметрию социальных отношений. Неформальные (*buddy, pal*) употреблялись главным образом при обращении к подросткам. Далее по рассматриваемому параметру следует BrE. Здесь формальные ФО (*Sir, Madam*) тоже использовались при обращении к

адресату старшего возраста, но, по сравнению с американской коммуникативной культурой, весьма незначительно (4%). Неформальные ФО (*buddy, mate, dear, luv*) использовались при обращении к адресату того же возраста и младше и также достаточно редко (6%). При обращении к подросткам неформальные ФО (*buddy, mate, child*) составили 10%. CanE по рассматриваемому признаку занимает срединное положение. ФО при обращении к незнакомому адресату здесь встретились реже, чем в других рассматриваемых коммуникативных культурах (8%). При этом формальные и неформальные ФО употреблялись с одинаковой частотностью. Самым неформальным оказался AusE. Здесь номинативные ФО употребили 26% респондентов и это были в основном неформальные ФО (*kid, mate, cobbler*), которые употреблялись как к подросткам, так и к адресатам того же возраста и младше. Формальные ФО встретились лишь в единичных случаях (2%). Подробные данные представлены в Диаграмме 1.

Диаграмма 1. Частотность употребления формальных/неформальных ФО к незнакомому адресату в четырех вариантах английского языка

Среди способов обращения с просьбой мы различали: (1) запрос информации и (2) непосредственно просьбу. Для всех рассматриваемых англосаксонских культур прямой запрос информации при обращении с просьбой указать направление (*Where is the bus stop?*) оказался не характерным, предпочтение отдавалось РА Просьба, причем главным образом в косвенной форме. Прямые императивные конструкции встретились только в австралийском материале (10%).

В целом для рассматриваемых коммуникативных культур характерен формальный способ выражения просьбы (хотя и в разной степени), что подтверждается регулярным использованием стратегий дистанцирования (Negative politeness strategies в терминах П. Браун и С. Левинсона) и обслуживающих их средств модальности (Диаграмма 2).

По данному признаку наибольшую формальность продемонстрировали представители британской коммуникативной культуры, где косвенная просьба составила 100%. Наиболее частотно (96%) респонденты употребляли просьбу, выраженную объектно-ориентированным вопросом с модальным глаголом (*Could you show me how to get to the bus station, please / Would you mind showing me the direction to the bus station*). Помимо объектно-ориентированных вопросов в нашем материале также встретились декларативные субъектно-ориентированные высказывания (*I would like to know how to get to the bus stop*), а также вопросительные высказывания с модальным глаголом без объекта (*Would it be possible to help me, please?*), что является формальным выражением просьбы, так как здесь реализуется стратегия вежливости дистанцирования “вывод адресата из дискурса”.

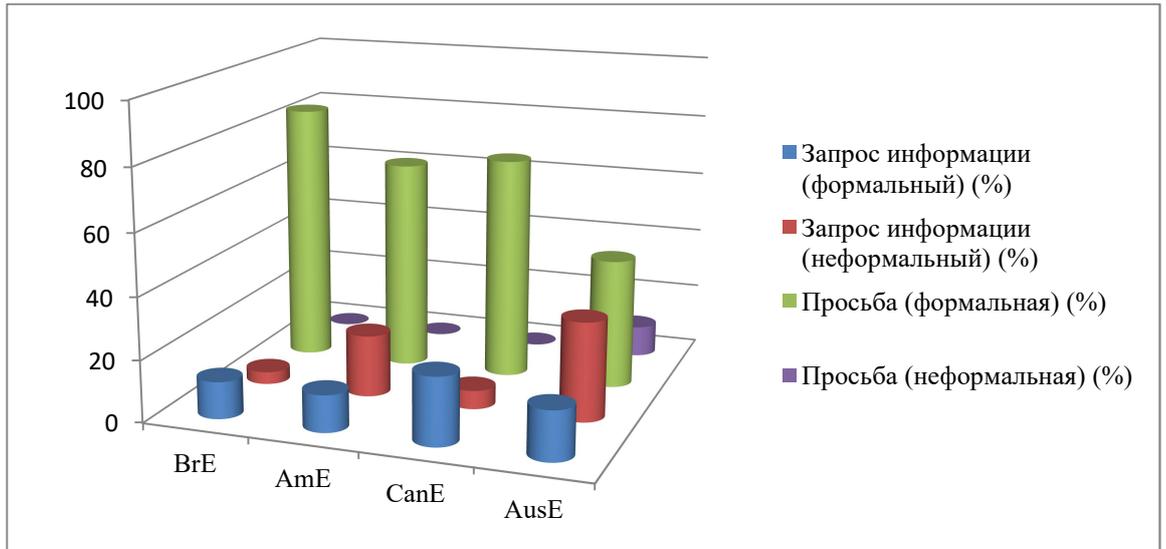
В американском материале также преобладали объектно-ориентированные вопросы с модальными глаголами. При этом декларативные субъектно-ориентированные высказывания встретились почти в два раза чаще, чем в BrE. Важно отметить, что далее обычно следовала косвенная просьба. Вопросительные высказывания с модальным глаголом без объекта встретились в единичных случаях. Запрос информации в американском материале встретился в два раза чаще, чем в британском. Наряду с косвенным запросом информации (*Do you know where the bus stop is?*), встретился также прямой, который мы относим к маркеру неформальности.

В CanE, как и в BrE и AmE, предпочтение отдавалось объектно-ориентированным вопросам с модальными глаголами (62%). Декларативные субъектно-ориентированные высказывания встретились в три раза реже, чем в американском материале и почти в 1,5 раза реже, чем в британском, и они употреблялись только при обращении к адресатам старшего возраста. Вопросительные высказывания с модальным глаголом без объекта в нашем материале не встретились. Все это говорит о меньшей степени формальности в канадской коммуникативной культуре.

В AusE запрос информации и просьба употреблялись почти с одинаковой частотностью. В нашем австралийском материале впервые встретились императивные конструкции (10%), а также чаще респонденты употребляли прямой запрос информации, по сравнению с BrE, AmE, CanE, что свидетельствует о снижении степени формальности по сравнению с BrE, AmE и CanE.

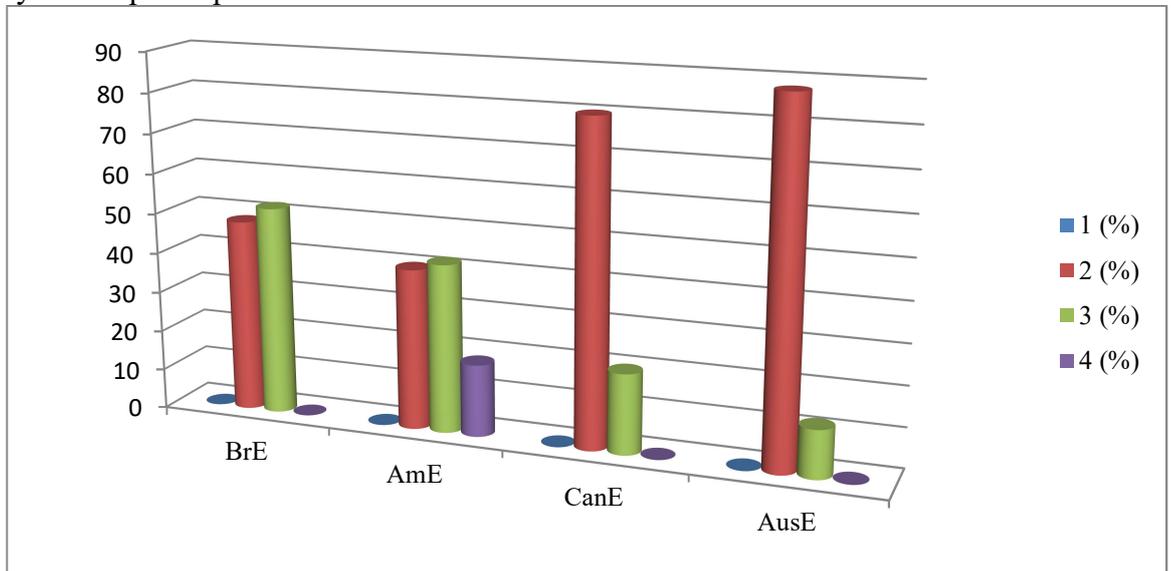
В нашем исследовании мы уделяли особое внимание модальным глаголам и модальным конструкциям (*can / could / would / would you mind... / would you be so kind... и др.*), так как они являются важным средством смягчения воздействия на адресата и активно используются при реализации стратегий дистанцирования (Negative politeness strategies). Их выбор также определяет степень формальности/неформальности. При том что во всех рассматриваемых культурах широко использовались конструкции с модальными глаголами, наиболее формальным по данному признаку оказались BrE и AmE, где регулярно использовались формальные модели (*Would it be possible / Would you be able / Would you be so kind*). Неформальные модели с *can* для данных вариантов не характерны. В то же время они достаточно часто встречаются в AusE (22%), где формальные конструкции с модальными глаголами, напротив, употреблялись весьма ограниченно.

Диаграмма 2. Обращение с просьбой к незнакомому адресату в четырех вариантах английского языка

Среди признаков формальности/неформальности мы также рассматривали объем речевого фрагмента обращения с просьбой, т.е. количество употребляемых говорящим реплик, считая, что чем он объемнее, тем формальнее. При проведении количественного анализа мы обнаружили, что ни в одной из рассматриваемых англосаксонских культур респонденты не ограничиваются единичной репликой (Диаграмма 3). Количественный анализ показал, что для BrE характерно использование двух (48%) и даже чаще трех реплик (52%). В AmE, в отличие от BrE, количество реплик зависит от асимметрии социальных отношений. При выражении обращения с просьбой к адресату старшего возраста наиболее часто респонденты употребляли три (42%) и даже четыре реплики (18%), в то время как к адресату того же возраста и младше, в основном использовались две реплики (40%). В CanE и AusE респонденты отдавали предпочтение двум репликам (80%), что характеризует их стиль как менее формальный, по сравнению с британским и американским.

Диаграмма 3. Количество реплик при обращении с просьбой к незнакомому адресату в четырех вариантах английского языка

Таким образом, сопоставительный анализ стиля коммуникации представителей британской, американской, канадской и австралийской коммуникативных культур в рассматриваемом контексте обнаруживает, помимо сходств, ряд различий, которые позволяют говорить о том, что наиболее формальными являются американский и британский, наименее формальным – австралийский, в то время как канадский занимает срединное положение. Однако, в целом, незначительность расхождений между основными вариантами английского языка, обусловленная наличием общих культурных ценностей, свидетельствует о правомерности выделения англосаксонской лингвокультуры (*Anglo language and Anglo culture* в терминологии А. Вежбицкой), объединяющей основные варианты английского языка, а, следовательно, позволяет говорить и об англосаксонской коммуникативной культуре.

Сопоставительный анализ степени формальности/неформальности в англосаксонской и русской коммуникативных культурах продемонстрировал ряд более значительных различий.

В нашем материале 18% русских респондентов при обращении к незнакомому адресату не использовали никакой инициальной реплики и начинали общение непосредственно с запроса информации (*Где здесь остановка?*) или с прямой просьбы (*Подскажите, где здесь остановка*). Данный факт говорит о меньшей востребованности фатической коммуникации и свидетельствует о незначительной социально-культурной дистанции общения.

Почти треть русских респондентов употребили номинативные ФО (32%), что, в целом, больше, чем в англосаксонской коммуникативной культуре (21%). Это связано, на наш взгляд, с тем, что русские респонденты демонстрируют желание назвать адресата (*молодой человек, девушка*) с целью сокращения дистанции между собеседниками. При этом в русской коммуникативной культуре, в отличие от англосаксонской, ФО часто употреблялись в качестве самостоятельной инициальной речевой реплики без сочетания с извинением или приветствием, что также может свидетельствовать о более короткой социальной дистанции.

Что касается способа выражения просьбы, то, как показали наши данные, в русской коммуникативной культуре, в отличие от англосаксонской, респонденты широко использовали императивные конструкции. При этом следует отметить, что императив в русском языке отличается от английского императива и носит немаркированный, нейтральный характер. Как справедливо отмечает Н.И. Формановская, императивно выраженная просьба в общении может «прочитываться» адресатом с точки зрения той или иной степени внимания, вежливости, мягкости или требовательности, проявленных к нему¹⁷. По мнению многих исследователей (Г.Г. Буторина, И.В. Головина, М.А. Егорова, Т.В. Ларина, Ronald B. Adler, A. Wierzbicka и др.), одно из основных различий между английской и русской вежливостью касается употребления императива. При этом для смягчения императивного высказывания и актуализации вежливых отношений между участниками коммуникации в русской коммуникативной культуре респонденты употребляли ряд языковых средств:

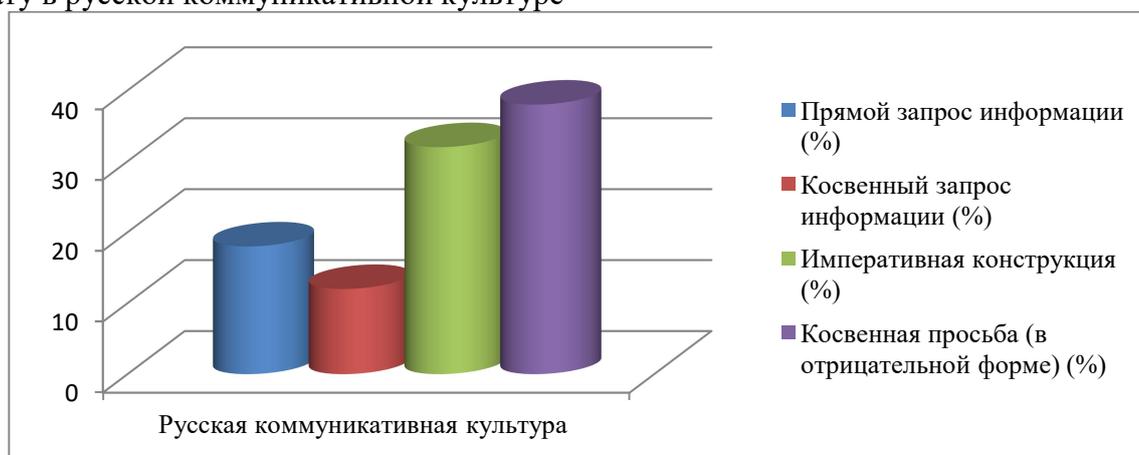
¹⁷ Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: ИКАР, 1998. – С. 204.

- маркер вежливости *пожалуйста*, который имеет более сильное прагматическое значение, чем в английском языке, где он также широко употреблялся;

- обращение на *Вы*, которое сигнализирует о формальном регистре общения и установлении дистанции.

В целом в рассматриваемом контексте в русской коммуникативной культуре можно выделить 3 основные модели, используемые при обращении с просьбой: запрос информации (прямой или косвенный), императивные конструкции и косвенную просьбу (в отрицательной форме). Частотность их употребления представлена в Диаграмме 4.

Диаграмма 4. Модели выражения просьбы при обращении к незнакомому адресату в русской коммуникативной культуре

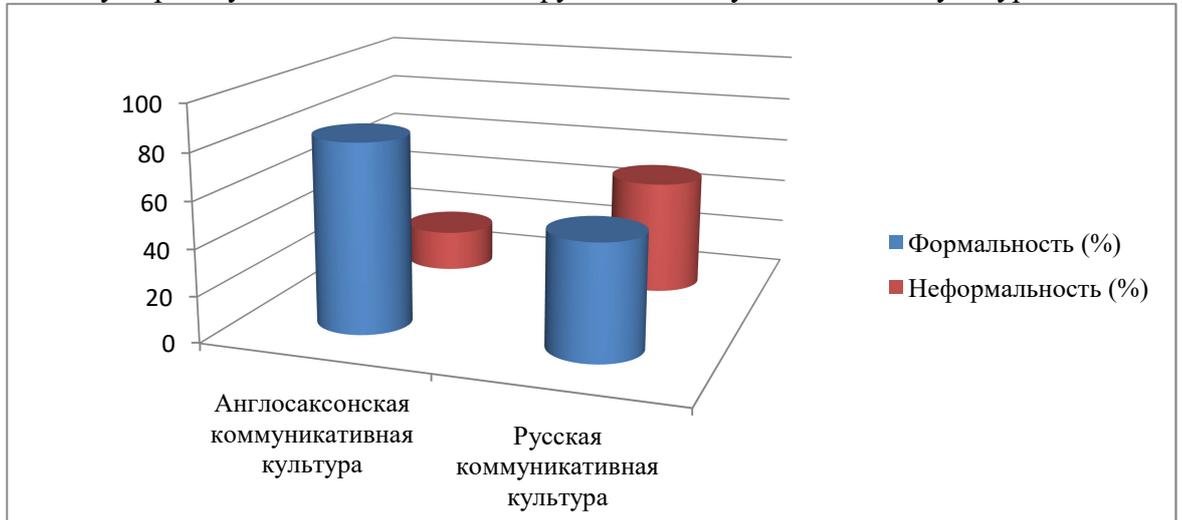
Запрос информации выражался русскими респондентами прямым и косвенным способами, так же как и в англосаксонской коммуникативной культуре. Однако в отличие от англоязычных респондентов, русские отдавали предпочтение прямому запросу (*Мужчина, где остановка?*) (18%) при обращении к адресатам такого же возраста или младше. Косвенный запрос информации (*Девушка, а Вы не знаете, где остановка?*) встретился реже (12%): к адресатам того же возраста или младше – 6%, подросткам – 2%, к адресатам старшего возраста – 4%.

Императивные конструкции (*Молодой человек, подскажите, пожалуйста, где остановка?*) респонденты употребляли примерно с одинаковой степенью частотности: при обращении к адресату старшего возраста – 10%, того же возраста и младше – 12%, а также к подросткам – 10%.

В русской коммуникативной культуре, в отличие от англосаксонской, косвенная просьба, которая в целом составила 38% выражена в отрицательной форме (*Вы не подскажете / Не могли бы Вы подсказать*). Отрицательная форма в русской речевой практике является более вежливой, чем утвердительная, так как в отрицательном высказывании говорящий уже предоставляет адресату возможность дать отказ. В основном данная формула употребляется при выражении просьбы к адресату, старшего возраста (26%), к адресатам того же возраста и младше она составила всего 6%. В косвенной просьбе выделяются две основные модели: вопросительные высказывания (*Вы не подскажете, как пройти?*) и вопросительные высказывания с модальным глаголом (*Не могли бы Вы подсказать, где здесь остановка?*).

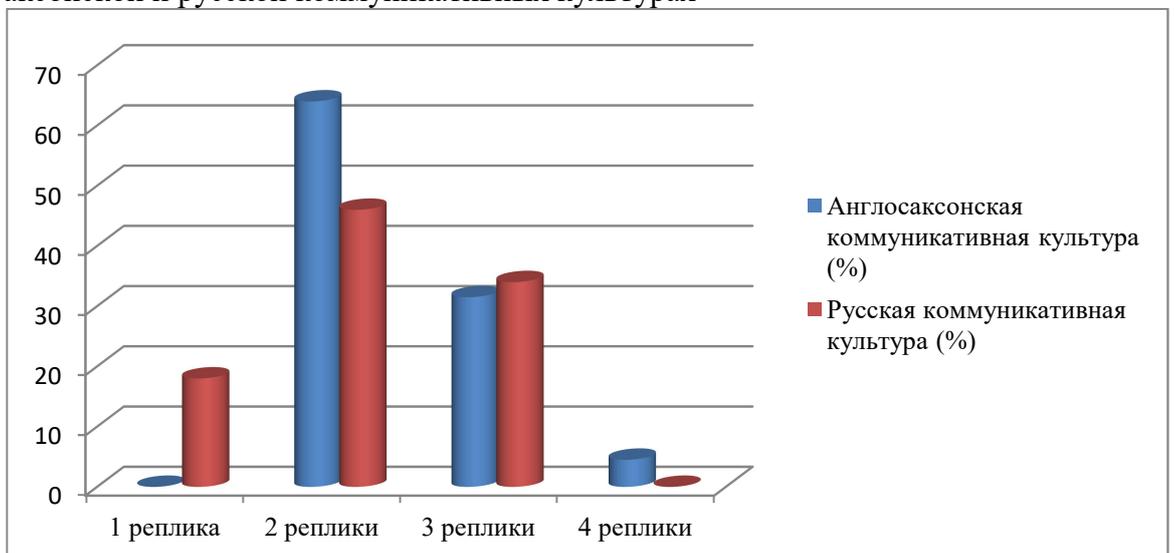
В целом для русской коммуникативной культуры характерно употребление прямого запроса информации и императивных конструкций с использованием различных языковых средств актуализации вежливости. Для англосаксонской – косвенный способ выражения просьбы с использованием различных средств модальности, что свидетельствует о ее большей формальности (Диаграмма 5).

Диаграмма 5. Формальность/неформальность выражения просьбы при обращении к незнакомому адресату в англосаксонской и русской коммуникативных культурах

Что касается количественной характеристики формальности/неформальности, то можем заключить, что для англосаксонской культуры в целом характерен более формальный способ обращения с просьбой, по сравнению с русской (Диаграмма 6). В русском материале 18% респондентов при обращении к незнакомому ограничили одну реплику, чего не встретилось в английском материале, где просьба, выраженная таким способом, является прямой угрозой личности. Использование четырех реплик, напротив, не встретилось в русском материале.

Диаграмма 6. Количество реплик при обращении к незнакомому адресату в англосаксонской и русской коммуникативных культурах

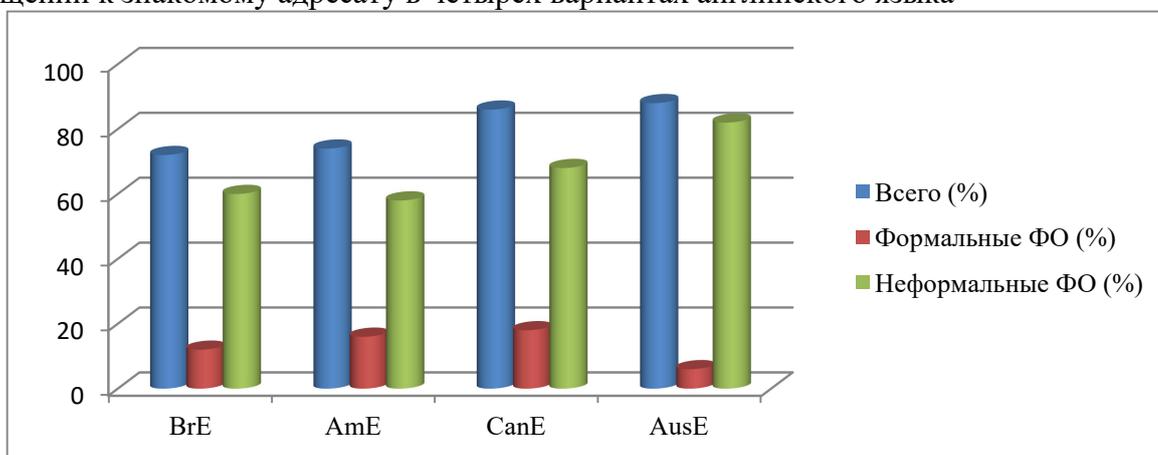
Выявленные различия позволяют заключить, что степень формальности/неформальности в рассматриваемых коммуникативных культурах различается. Англосаксонская культура демонстрирует бóльшую формальность, что проявляется в наличии инициальной реплики (приветствия и/или извинения) при обращении к незнакомому адресату, в отсутствии прямых императивных высказываний, в выражении просьбы в косвенной форме с использованием разнообразных модальных конструкций, в более значительном объеме речевого фрагмента.

Русский стиль коммуникации в рассматриваемом контексте, напротив, является менее формальным, о чем свидетельствует наличие прямого запроса информации, императивных конструкций, частотность обращений, их неформальный характер, меньший объем речевого фрагмента (допустимость употребления одной реплики).

Глава 4. «Формальность/неформальность в англосаксонской и русской коммуникативных культурах: обращение с просьбой к знакомому адресату» посвящена сопоставительному анализу степени формальности/неформальности в институциональном дискурсе, а именно – при обращении с просьбой к знакомому адресату на работе / учебе. Материалом исследования послужили дискурсивные практики представителей британской, американской, канадской, австралийской и русской коммуникативных культур в 5 ситуациях, предполагающих статусные различия.

Данные проведенного исследования показали, что, вступая в контакт со знакомым адресатом, так же, как и с незнакомым, носители всех рассматриваемых англосаксонских культур предваряют обращение с просьбой формулой приветствия или извинения. Это свидетельствует о том, что и здесь респонденты, используя элементы фатической коммуникации, сохраняют некоторую дистанцию. В то же время значительное употребление неформальных ФО свидетельствует о проявлении неформальности при обращении к адресату даже при наличии статусной асимметрии. Самым неформальным по данному признаку, так же, как и в ситуации с незнакомым, оказался AusE, где неформальные ФО составили 82%. В AmE и BrE они употреблялись несколько реже (58% и 60% соответственно), что касается CanE, то и здесь он занимает срединное положение (Диаграмма 7).

Диаграмма 7. Частотность употребления формальных/неформальных ФО при обращении к знакомому адресату в четырех вариантах английского языка

Формальные ФО (*Mr / Mrs + фамилия*) во всех вариантах английского языка встречались достаточно редко и главным образом при обращении «снизу – вверх»: к начальнику на совещании и к коллеге, старшему по должности. В BrE их употребили всего 12%, в AmE они составили 16%, а в CanE 18%. Наименьшую частотность употребления формальных ФО продемонстрировали представители AusE, где они составили всего 6%.

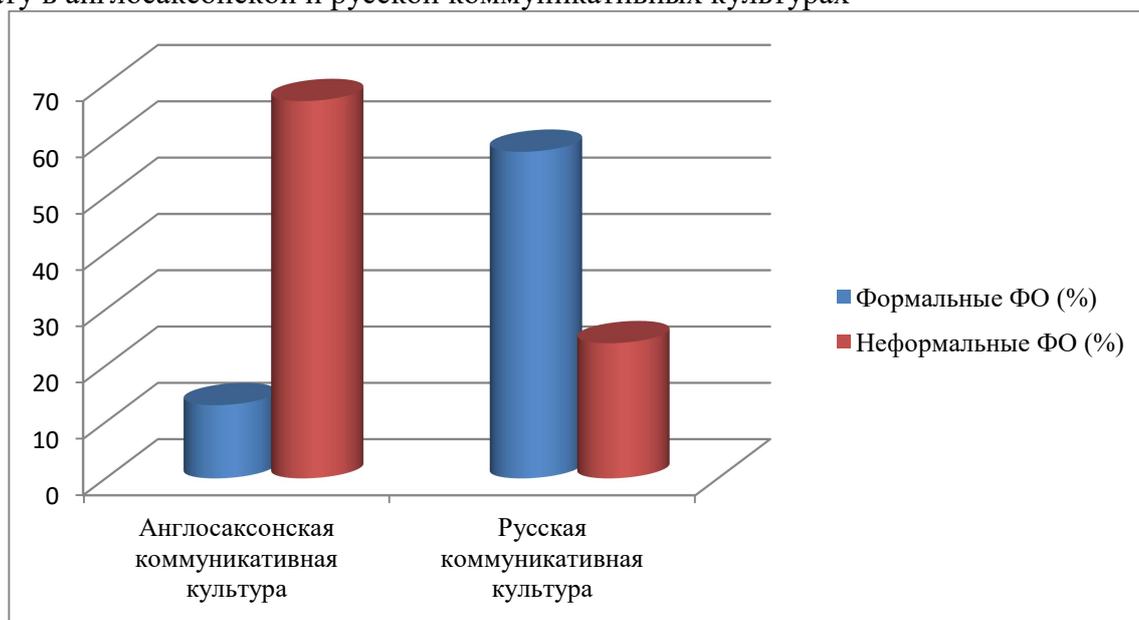
Таким образом, в целом, все выявленные различия указывают на незначительные расхождения при выражении обращения в англосаксонских коммуникативных культурах. Представители всех четырех вариантов английского языка продемонстрировали явное предпочтение обращаться к собеседнику по имени, что свидетельствует о нежелании подчеркивать дистанцию между участниками коммуникации и об их приверженности к такой коммуникативной ценности, как равенство.

В поведении представителей русской коммуникативной культуры в данной ситуации мы обнаружили ряд существенных особенностей. При вступлении в коммуникацию они совершали РА приветствие или извинение, как правило, в сочетании с обращением. Тем не менее, 10% русских респондентов ограничилась только формулой обращения и 16% респондентов вообще не использовали никакой инициальной реплики.

Употребление номинативных ФО в русской коммуникативной культуре содержит значительную информацию об отношениях между коммуникантами и передает различные эмоциональные оттенки. Русские респонденты употребляли как формальные (обращение по имени и отчеству), так и неформальные ФО. Формальные ФО составили 50% (*Добрый день, Иван Петрович.*), что значительно выше, чем в англосаксонских культурах. Их использовали при обращении к руководителю в формальной (30%) и неформальной (10%) обстановке, к коллеге, старшему по должности (8%), в единичных случаях – к коллеге, равному по должности, и к представителям обслуживающего персонала. Неформальные ФО (по имени) встречались главным образом при асимметричных отношениях «сверху – вниз» и при обращении к равным. В сочетании с извинением или приветствием они составили 12% и употреблялись к начальнику в неофициальной обстановке – 6%, к коллеге, равному по положению, – 4% и к представителям обслуживающего персонала – 2% (*Добрый день, Сергей.*).

Таким образом, мы можем заключить, что русский стиль коммуникации по данному признаку отличается от англосаксонского более высокой степенью формальности, о чем свидетельствуют обращения на Вы и по имени–отчеству, как при статусной асимметрии, так и ее отсутствии (Диаграмма 8).

Диаграмма 8. Формальные/неформальные ФО при обращении к знакомому адресату в англосаксонской и русской коммуникативных культурах

Что касается способа выражения просьбы, то, как показал наш анализ, в англосаксонских коммуникативных культурах респонденты отдают явное предпочтение косвенному выражению просьбы с регулярным использованием стратегий дистанцирования (Negative politeness strategies в терминах П.Браун и С. Левинсона¹⁸) (Диаграмма 9). Мы выделили два основных способа выражения просьбы в рассматриваемой ситуации, а именно – косвенная просьба с модальным глаголом и декларативное субъектно-ориентированное высказывание. Также мы дифференцировали объектно-ориентированный вопрос с модальным глаголом, вопросительное высказывание с модальным глаголом без объекта и развернутое декларативное субъектно-ориентированное высказывание. К неформальным мы относили императивную конструкцию и прямой декларатив.

По данному признаку наибольшую формальность продемонстрировали представители британской коммуникативной культуры, где косвенная просьба составила все 100%. Чаще всего (81%) респонденты употребляли просьбу, выраженную объектно-ориентированным вопросом с модальным глаголом (*Could you help me please?*), которая содержит вопрос о желании или возможности адресата совершить действие и демонстрирует уважение к его независимости (privacy). Также в нашем материале встретились вопросительные высказывания без объекта – *Sorry, would it be possible to help me?* (11%) – и декларативные субъектно-ориентированные высказывания – *I would like to know if you could help me.*

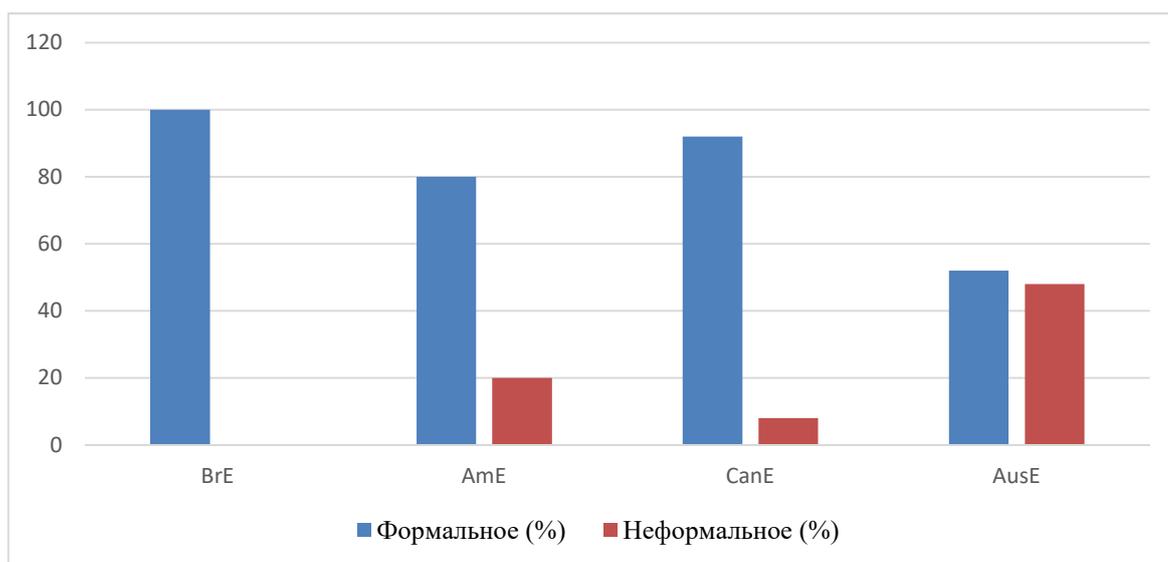
В американском материале также преобладал косвенный способ выражения просьбы (80%). Однако здесь встретились также и прямые декларативные конструкции (20%), которые использовали к коллеге, как старшему по должности, так и равному (*I will need your help to do some additional research.*). В CanE предпочтение так же отдается косвенному способу выражения просьбы (92%), а именно – объектно-ориентированным вопросам с модальными глаголами (78%).

¹⁸ Brown P., Levinson S. D. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Вопросительные высказывания без объекта, в отличие от BrE и AmE, в нашем материале не встретились.

В AusE косвенный и прямой способы употреблялись примерно с одинаковой частотностью, хотя все же немного чаще (52%) респонденты употребляли косвенный способ. Особенностью AusE оказался тот факт, что здесь встретились императивные высказывания, а также чаще, чем в AmE и CanE, респонденты употребляли прямой декларатив, который в BrE вообще не встретился. Все это свидетельствует о более низкой степени формальности в AusE, по сравнению с BrE, AmE и CanE.

Диаграмма 9. Обращение с просьбой к знакомому адресату в четырех вариантах английского языка

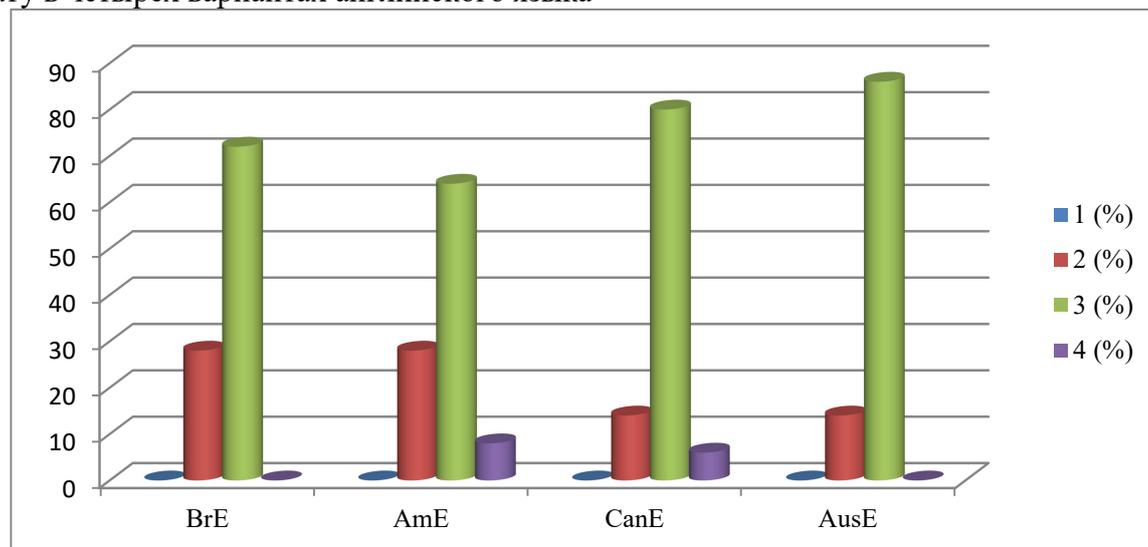

Анализ выбора конструкции с модальным глаголом также позволил нам выделить как сходства, так и различия. При том, что во всех рассматриваемых культурах широко использовались конструкции с модальными глаголами, наиболее формальными по данному признаку оказались BrE, AmE и CanE, а наименее формальным – AusE. В BrE общее число используемых модальных конструкций больше, чем в других рассматриваемых вариантах, также чаще встречалась безобъектная конструкция – *Would it be possible*. В CanE количество конструкций с формальными модальными глаголами несколько ниже, чем в BrE, но выше, чем в AmE. В AmE 20% респондентов использовали конструкцию с *will*, что свидетельствует об уменьшении формальности, по сравнению с BrE и CanE. Наименее формальным по данным признаку снова оказался AusE, где модели с высокой степенью формальности вообще не встретились, а преобладали конструкции с *will* и *can*.

Среди признаков формальности/неформальности мы также рассматривали объем речевого фрагмента, т.е. количество коммуникативных ходов, считая, что чем он больше, тем формальнее. При проведении количественного анализа мы выявили, что ни в одной из англосаксонских культур респонденты не ограничиваются единичной репликой (Диаграмма 10). В BrE предпочтение отдается трем репликам (72%), две реплики использовались в три раза реже (28%). В AmE также преобладают три реплики (64%), при этом, в отличие от BrE, при обращении к адресату, занимающему более высокую должность, в формальной

обстановке часть респондентов (8%) употребила четыре реплики (*Sorry to disturb you, Mr. F. I'd like to know if you could help me. Would you be so kind to help me, please.*). В CanE так же явное предпочтение отдается трем репликам (80%), две реплики респонденты использовали реже (14%), четыре – всего 6%. Похожую ситуацию, главным образом за счет более частого использования обращения, мы наблюдаем и в AusE, где респонденты так же часто использовали три реплики (86%), реже – две (14%)

Диаграмма 10. Количество реплик при обращении с просьбой к знакомому адресату в четырех вариантах английского языка

Таким образом, сопоставительный анализ четырех вариантов английского языка выявил как сходства, так и ряд различий, которые, позволяют нам говорить о том, что наиболее формальными являются британский, американский и канадский стили коммуникации и наименее формальным – австралийский. Однако, в целом, выявленные различия в рассматриваемых коммуникативных культурах, как и при обращении к незнакомому, не являются значительными.

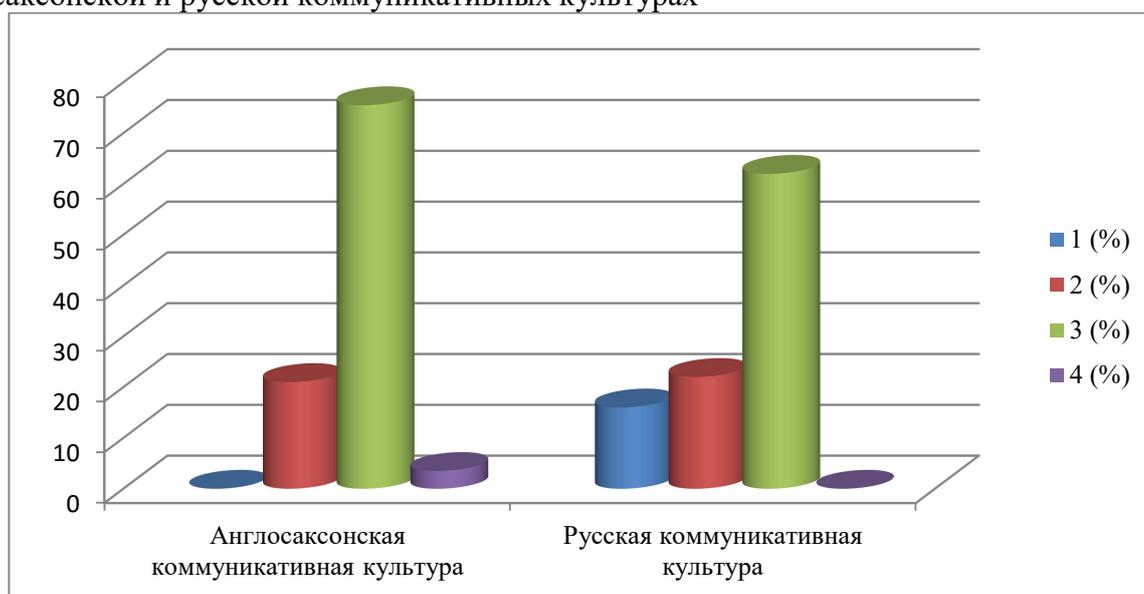
При сопоставлении выражения просьбы в англосаксонской и русской коммуникативных культурах были выявлены более существенные различия. Русские респонденты примерно с одинаковой степенью частотности использовали как прямой способ выражения просьбы (42%), так и косвенный (58%). Императивные конструкции (42%) употреблялись во всех пяти рассматриваемых контекстах: к начальнику (в официальной обстановке – 6%, в неофициальной – 10%), к коллеге, старшему по должности, – 12%, равному по должности – 8%, к представителям обслуживающего персонала – 6%. Для смягчения императивного высказывания и актуализации вежливых отношений между коммуникантами русские респонденты употребляли маркер вежливости *пожалуйста*, который обладает большей прагматической силой, чем *please*, и обращение на Вы.

Косвенную просьбу, которую мы подразделили на вопросительные высказывания (*Вы не можете?*) и вопросительные высказывания с модальным глаголом (*Не могли бы Вы мне помочь?*), респонденты употребляли в основном при обращении к начальнику – 24% (в официальной обстановке – 16%, в неофициальной – 8%), к коллеге, старшему по должности, – 14%, равному по должности – 10%, к представителям обслуживающего персонала – 10%. Такая

просьба в русской коммуникативной культуре является более вежливой, чем утвердительно высказывание, так как в самом высказывании говорящий уже предоставляет адресату возможность отказа.

Количественный анализ (Диаграмма 11) показал, что, если во всех англосаксонских культурах предпочтение отдавалось трем репликам, то большинство представителей русской коммуникативной культуры (62%) предпочло также три реплики (*Простите, Мария, не могли бы Вы подсказать, как...*), а 16% вообще ограничились одной при обращении к коллеге, равному по должности, и ниже (*Помоги, пожалуйста*).

Диаграмма 11. Количество реплик при обращении к знакомому адресату в англосаксонской и русской коммуникативных культурах

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что степень формальности/неформальности в рассматриваемых коммуникативных культурах различается. При этом однозначная корреляция отсутствует. Англосаксонская коммуникативная культура демонстрирует, на наш взгляд, с одной стороны, бóльшую формальность, о чем свидетельствует наличие инициальной реплики, косвенный способ выражения просьбы, регулярное использование стратегий негативной вежливости, употребление модальных средств, большее количество коммуникативных ходов. С другой стороны, для нее характерно употребление неформальных ФО. В русской коммуникативной культуре, напротив, мы наблюдаем, с одной стороны, формальность при употреблении ФО (обращение на Вы и по имени-отчеству), с другой – уменьшение формальности при выражении РА Просьба, что проявляется в наличии императивных конструкций, прямого декларатива и в меньшем количестве коммуникативных ходов. Выявленные различия позволяют заключить, что представители англосаксонской коммуникативной культуры в целом демонстрируют бóльшую формальность, чем русские, на уровне горизонтальных отношений, но меньшую формальность на уровне вертикальных отношений, что связано с различиями в горизонтальной и вертикальной дистанции в рассматриваемых культурах.

В **Заключении** дается характеристика проведенного сопоставительного исследования, формулируются основные выводы, которые подтверждают

исследовательскую гипотезу. В результате проведенного исследования нами было продемонстрировано, что формальность/неформальность является одной из черт стиля коммуникации, которая выступает в качестве социально-прагматического дейксиса, индексирующего степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом. Степень формальности/неформальности варьируется не только в различных языках, но и в вариантах одного и того же языка. Стили коммуникации представителей британской, американской, канадской и австралийской коммуникативных культур с точки зрения формальности/неформальности обнаруживают, помимо сходств, ряд незначительных различий, которые, с одной стороны, служат подтверждением плюрицентричности английского языка, а с другой – подтверждают правомерность выделения англосаксонской лингвокультуры (*Anglo language and culture*), объединяющей основные варианты английского языка. Поскольку, вслед за И.А. Стерниным, мы рассматриваем коммуникативную культуру как фрагмент национальной культуры, который отвечает за коммуникативное поведение нации, допускаем, что правомерно говорить и об англосаксонской коммуникативной культуре, которая объединяет основные коммуникативные черты, характерные для всех англосаксонских коммуникативных культур.

В силу более существенных культурных различий стили коммуникации представителей англосаксонской и русской коммуникативных культур по степени формальности/неформальности демонстрируют более существенные различия. Английский стиль в целом является более формальным, чем русский, на уровне горизонтальных отношений, но менее формальным на уровне вертикальных отношений, что связано с различиями в горизонтальной и вертикальной дистанциях в данных культурах и свидетельствует, что между формальностью по вертикали и формальностью по горизонтали нет однозначной корреляции.

Перспективы дальнейших научных изысканий по теме, на наш взгляд, видятся в исследовании степени формальности/неформальности в различных видах дискурса – в деловом, семейном и научном и др., а также в привлечении для анализа других языков и/или вариантов.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в международной базе данных WoS:

1. Юрьева Ю.Б. Социокультурный контекст, формы обращения и стили коммуникации (на примере британского и индийского вариантов английского языка) / Т. В. Ларина, Н. Сурьянараян, Ю. Б. Юрьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 39–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.3>
2. Yuryeva, J. Address forms and well-wishing forms in American and Russian communicative cultures / J. Yuryeva, I. Batanova // INTCESS19 Proceedings: 6th International Conference on Education and Social Sciences (4–6 February 2019 – Dubai, U.A.E) p. 284–289. ISBN: 978-605-82433-5-4
3. Yuryeva, J. Sociolinguistic and Sociocultural Features of Language Use: Forms of Address in British English and Spanish / J. Yuryeva, E. Rudakova, T. Larina // EDULEARN18 Proceedings: 10th International Conference on Education and

New Learning Technologies (Palma, Spain, 2–4 July, 2018). p. 3046–3052. DOI: 10.21125/edulearn.2018.0800 (находится на индексации)

Научные статьи, опубликованные в изданиях Перечня, рекомендованного ВАК РФ:

4. Юрьева Ю.Б. Формы обращения в американском национальном варианте английского языка, британском национальном варианте английского языка: социопрагматические перспективы развития / Ю.Б. Юрьева // Мир науки, науки, культуры и образования. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. 2018. С. 542–544.
5. Yuryeva Yu. B. Honorific titles in British English and American English / Yu. Yuryeva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2018; 9(3), 685–695. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-685-695.
6. Yuryeva J. Address form as a reflection of ethno-cultural style of communication (based on British and Canadian English) / J. Yuryeva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019;10 (2): 537–547.

Другие публикации:

7. Юрьева Ю.Б. Лексико-семантические особенности австралийского национального варианта английского языка / Ю.Б. Юрьева // II Фирсовские чтения. Современная филология и методика преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития. М.: РУДН, 2016. – С. 257–260.
8. Юрьева Ю.Б. Исследование плюралистических языков в современном мире / Ю.Б. Юрьева // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке. Междисциплинарные парадигмы: взгляд молодых ученых. М.: РУДН, 2017.– С. 141–144.
9. Юрьева Ю.Б. Культурно-обусловленные традиции речевого поведения в англосаксонской культуре / Ю.Б. Юрьева // Большое евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты, Москва, МГОУ, 2017. – С. 979–984.
10. Юрьева Ю.Б. Культурно-обусловленные особенности речевого поведения жителей Австралии / Ю.Б. Юрьева // Семиотическое пространство языка. Новосибирск: НГТУ, 2017. – С. 430–434.

**Юрьева Юлия Борисовна
(Россия)**

**Формальность/неформальность как черта этнокультурного стиля
коммуникации**

(на материале английского и русского языков)

Диссертация представляет собой сопоставительное исследование формальности/неформальности как отличительной черты этнокультурного стиля коммуникации, которое проведено на основе анализа английской, представленной четырьмя вариантами – британским, американским, канадским и австралийским, и русской лингвокультур. Определены степень формальности/неформальности в англосаксонской и русской лингвокультурах, выявлены разноуровневые языковые средства выражения данной черты коммуникации и ее культурно-специфичные особенности. Показано, что формальность/неформальность выступает в качестве социально-прагматического дейксиса, индексирующего степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом, которая является вариативной в разных культурах. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в сопоставительном языкознании, социолингвистике, коммуникативной этностилистике, контактной вариантологии английского языка, в теории и практике перевода и межкультурной коммуникации. Они также могут найти применение при создании специальных курсов по американскому, британскому, австралийскому, канадскому и русскому стилям коммуникации, при написании пособий и справочников по этикету и культуре речи, а также в практике преподавания английского и русского языка как иностранного.

**Julia B. Yuryeva
(Russia)**

**Formality/informality as a feature of communicative ethno-style
(on the material of English and Russian languages)**

The thesis examines formality/informality in Anglo and Russian lingua-cultures as a distinctive feature of communicative ethno-style. Anglo lingua-culture is represented by its British, American, Canadian and Australian varieties. The results of the comparative analysis of the empirical data revealed the degree of formality/informality and multilevel linguistic means of its expression in the Anglo and Russian lingua-cultures and its cultural specificity. It argues that formality/informality functions as a socio-pragmatic deixis, indexing the degree of social distance between the speaker and his/her addressee, which is variable in different cultures. The results of the research can be used in comparative linguistics, sociolinguistics, communicative ethno-stylistics, World Englishes studies, in the theory and practice of translation and intercultural communication. They can find application in the courses on American, British, Australian, Canadian and Russian communicative styles, in writing textbooks and reference books on linguistic etiquette, as well as in teaching English and Russian as second languages.